

Б. Ф. Карпов

«Правда на Селигере»

Откровения

г. Осташков

2007

«Россия богата ворами и

плохими дорогами...».

1940 год... Зальцовский сельский совет... В него входили 10 деревень: Острица, Глубочица, Жар, Пески, Ляпино, Зальцо, Твердякино, Пачково, Кравотынь и Светлица. Вокруг располагались озера: Долгое, Залецкое, Глубокое, Белое, Духлец, Стройное и Селигер. Все озера соединены протоками с Селигером. Местность ровная, песчаная. Поля давали плохие урожаи, поэтому мужское население на зиму уходило на работу в Питер. Строительного леса здесь совершенно не было. Его привозили издалека от Святого, поэтому построить каменный дом здесь было легче, чем деревянный. Как говорили старики: «За морем телушка — полушка, да перевоз рубль». Вот почему в этой местности очень много каменных домов. По обрывистым берегам озера Селигер росли кряжистые, низкорослые, суклеватые сосны, из которых ничего нельзя было строить. Старые люди их называли «Жаровские». Стволы этих деревьев шли на дрова, а корни на перегонку смолы.

В 1941 году на эти земли пришли тысячи людей с лопатами. Стали рыть окопы, ходы сообщения, траншеи; строить противотанковые рвы и дзоты. Но неумолимое время катастрофически бежит вперед и война закончилась.

Эти земли пришли в негодность из-за постройки военных сооружений. На них нельзя было производить сельскохозяйственные работы. Они были запущены. Но, как говорится, святое место пусто не бывает, «жаровские» сосны густо осеменили их. И на когда-то пахотных землях стал быстро расти сосняк. Молодой сосняк рос как будто вперегонки, стремясь в небо. И через 40 лет образовался сосновый бор, среди которого располагались блюдца озер с блестящей зеркальной поверхностью. И самым интересным из них было Белое озеро. Это озеро уникально. Вода в нем кристально чистая. Уровень ее в озере всегда одинаков, поэтому нет заливных берегов. Водой оно питается из озера Духлец и своими источниками.

В предпраздничные дни местные жители приезжали к нему испокон веков с бочками за водой, которой потом заправляли самовары. Чай из этой воды получался отменный.

Температура воды в озере почти всегда постоянная, нет резких перепадов. Замерзает и вскрывается оно позднее озера Селигер.

Северный берег обрывистый и заканчивается внизу глубокой ямой.

В озере живет рыба пелядь. Она схожа с морской рыбой, имеет арбузный запах, вырастает до двух кг. Мясо нежное, по вкусу не имеющее себе равных. Нерестится поздней осенью. Красиво за ней наблюдать, когда ее косяки поднимаются и круговыми движениями рассекают поверхность воды спинными плавниками. Это удивительное зрелище.

Возвратимся к бору. Подул свежий ветер... Запахло сосновой смолой... Появились грибы, ягоды, распустились цветы, появились пчелы. В озерах развелось много рыбы. Пришел зверь, прилетели птицы. И эти места стали любимы для местных жителей, так как они давали большое подспорье для личного хозяйства.

Их полюбили и жители Осташкова. А в шестидесятых годах, с появлением индустрии туризма, их полюбили и туристы.

Дорог сюда не было. Чтобы добраться, надо было ехать на тракторе. Единственно надежным транспортом был водный. Сначала ходили пароходы: «Кропоткин», «Демьян Бедный», «Луначарский» и «Максим Горький». Они возили не только пассажиров, но и грузы.

Грузы возились в основном на буксире в баржах: сосницкие яблоки, картофель, капусту, скот, дрова, сено, льнотресту и строительные материалы.

Лес везли плавом в плотах.

В пятидесятых годах пароходы стали заменяться теплоходами: «Совет», «Каховский», «Лоцман», «Киров».

Они возили большей частью пассажиров. Основными рейсами были Осташков-Полново, Осташков-Свапуще, Осташков-Ботово, Осташков-Селижарово.

В шестидесятые-семидесятые годы на стапелях пристани «Осташков» по проекту начальника пристани Огнева Александра Александровича был построен теплоход «Лиза Чайкина», который немного напоминал теплоход «Глеб Успенский». Затем были построены две сухогрузных баржи и танцевальная веранда для танцев на воде по Селигеру. Ее буксировал катер-толкач.

Но наступал самый большой пик туризма в 60-90 годы. В Осташков за летний сезон приезжало по трем дорогам (железной, автомобильной и воздушной), до ста семидесяти-ста семидесяти пяти тысяч туристов.

Эту махину людей надо было встретить и развести по берегам Селигера. В Осташков прибыл теплоход «Иван Григорьев», два теплохода серии МО и серии ПТ с московского судостроительного завода и теплоход «Заря». Они были комфортабельные и удобные.

Во всех излюбленных местах туристов были построены туристические стоянки, куда входили: стол, скамейки, кострище, дрова, туалет и выгребная яма. За порядком на стоянках следили егеря и лесники.

Чтобы как-то ослабить натиск туристов на природу Селигера, были организованы прокатные пункты в Осташкове, Заплавье, Светлице, Соколе, Новых Ельцах, Залучье и Свапуще.

Работали турбазы «Рассвет», «МТИЛП», «Сокол», «Нептун» и «Ельцы».

В Осташкове было 11 тысяч моторных лодок. Многие из них развозили туристов по Селигеру. На исполкоме райсовета много лет подряд ставился вопрос о сокращении количества лодок, но он всегда оставался неразрешимым. Его участь решила сама жизнь. Выросла технология, на смену пришел более комфортабельный вид транспорта — автомобиль. Появились автострады и моторные лодки отмерли сами.

Однажды наши места посетил мой брат Юра — художник. Особенно он любил Белое озеро, на берегу которого росли огромные ели и рядом был сосновый бор. В бору было много брусники и белых грибов «боровиков». Они были красивые, упругие, густо-коричневого цвета и самое главное без единого червячка.

Юра удивлялся, почему они такие и только здесь? Ведь кругом были червивые. Он написал большой холст, который назвал «Сосновый бор». Этот холст он впоследствии увез в Ленинград, там он и остался.

Вдоль речки росла черная малина (ежевика). Он любил эту ягоду с приятной горчинкой и часто ходил сюда лакомиться.

Однажды, когда Юра купался в Белом озере, пастух гнал стадо, а Юра только что вылез из воды, простирал свое белье и развесил на кустах. Пастух предупредил его, чтобы он

посторонился, ибо бык очень свирепый. Бык, завидя Юру, направился к нему. У него в носу было железное кольцо и он отфыркивался слюной. Подойдя к кусту, где висело бельё, он обнюхал его и за два жевка проглотил. Это было так удивительно, что Юра не поверил. Видимо бельё было плохо промыто и пахло потом, а животные этот запах любят.

После этой экзекуции бык пошел на Юру, Юре некуда было деваться и он вошел в озеро, бык за ним, Юра поплыл. Бык, дойдя по воде до обрыва, остановился и это было счастьем для Юры. Если бы бык поплыл, то он догнал бы его, так как животные плавают быстрее. Пастух отогнал быка. Хотя он был озабочен, но в душе смеялся, представляя, как Юра пойдет голышом до лодки. Хорошо, что в лесу никого не было. Этот случай Юре запомнился на всю жизнь и он часто о нем рассказывал.

На стоянку к Юре по вечерам приходили лоси, это крупные, красивые, одинокие животные, они не живут стадами. Они приходили на водопой и кормежку. Одинокая жизнь для них была большой опасностью, поэтому они были очень чутки и в тоже время любопытны. По утрам они уходили обратно в лес.

Над шалашом на высоких соснах жила одинокая белка, она была его сторожем. Как только он выйдет из шалаша, белка поднимала пронзительный крик, оповещая всю округу. За это он ее прозвал «предательница».

В дневное время высоко в небе кружил властелин неба ястреб-тетеревятник. После облета своей территории он садился на сухие ветви макушки высокой сосны, приводил себя в порядок и издавал пронзительный, на высоких тонах, клекот.

Юра не любил этот крик, он напоминал ему что-то тревожное и однажды решил поугадать ястреба. Вынес ружье и выстрелил в сторону ястреба. Расстояние большое, свыше 15 м. С ястребом ничего не должно было случиться. Но после выстрела ястреб упал на землю. Юра подошел к ястребу. Перед ним лежал неподвижно властелин воздуха. Юра рассматривал птицу. От чего же произошла смерть? Оказывается, одна дробинка случайно птице попала в глаз — это и было причиной смерти. Это так встревожило его, что он сразу стал собираться к поездке домой. Он погрузился в лодку.

Дул северный ветер и это было его счастьем, так как домой он мог плыть на парусе. Поставил парус, отпихнулся от берега и лодка стала набирать скорость, чем дальше от берега, тем быстрее. Она догоняла и своим носом рассекала убегающие волны. Вдоль борта с большой скоростью пробегали струи воды с зеленоватым оттенком. Юра смотрел на бегущую воду и думал: «Почему так трудно устроена жизнь? Рядом с жизнью чуть ли не в обнимку всегда шагает смерть. Вот чтобы не мучиться, вот прыгнуть сейчас в бездну бегущей воды и всему придет конец». Но на горизонте показался город, руки еще крепче сжали рулевое весло и лодка направилась на город. Вот он любимый берег, Набережный сад, мать, стоящая на берегу. Она только что пришла за водой, и они очень обрадовались друг другу. За дни разлуки им казалось, что все немножко вокруг них как-то изменилось в лучшую сторону.

В саду играла музыка, жители города отдыхали. От пристани отправлялись одновременно два теплохода: один экскурсионный, другой — рейсовый (ночной).

Из динамиков теплохода слышался спокойный голос экскурсовода. Это была Северинова Нина Николаевна — первый экскурсовод в то время только что оборудованного экскурсионного бюро. Их там было трое и все они были учителями средней школы № 1: Карпова Лидия Петровна — историк, водила экскурсии по городу; Карпов Борис Федорович — химик-биолог — водил экскурсии по озеру. Они обслуживали турбазы «Сокол» и «Селигер». Руководителем экскурсбюро была Березина Таисия Матвеевна.

Это было лучшее время эпохи социализма (70-80-ые года XX века). В стране была стабильность, спокойствие и порядок.

Для приема туристов нужен был вокзал. Его стали строить в 70-х годах. Строили заключенные. Вокзал получился хороший с большим залом ожидания, одноэтажный. Но грунт под вокзалом просел, здание дало трещины и стало опасно для жизни пассажиров. Просуществовал он не более десяти лет. Его снесли, грунт укрепили сваями и железобетоном, и на этой подушке возвели комфортабельный двухэтажный вокзал с большим запасом на будущее.

Территорию пристани по всей береговой линии укрепили стальным шпунтом. Она стала неприступна для нашествия льдов и волн Селигера.

В 90-х годах в Осташков прибыли 4 теплохода серии «Москва» с московского судостроительного завода.

Начальником пристани в данный момент является Смолкин Ю. Н. Это чудесный человек, доброй души. За 15 лет, самых трудных для нашей страны, он сумел сохранить водную пристань, не дать ей развалу. В настоящее время пристань содержится в идеальном порядке. Чтобы ослабить натиск туристов, был введен туристический сбор, который взимался перед въездом в город, во всех кассах при получении билетов; на прокатных пунктах при получении лодок; в сельсоветах при прописке; в магазинах при покупке продуктов питания. Туристы ехали к нам с полными рюкзаками своих продуктов, а уезжали от нас тоже с полными рюкзаками, которые несли на полусогнутых ногах. Рюкзаки были наполнены вяленой рыбой, сушеными грибами и ягодами. Туристы получали здесь здоровье, отдых, но и занимались заготовками на зиму. И это вошло в дальнейшем в их систему. Они вылавливали рыбы из Селигера больше, чем ловил Гослов.

В исполкоме райсовета был поставлен вопрос о том, чтобы остров Хачин и сосновый бор Троеручица превратить в заказник. Но этот вопрос так и остался нерешенным. Ставился вопрос и о превращении Осташкова и Селигера в курортную зону, но и он остался нерешенным.

В 1987 году при редакции газеты «Заря коммунизма» была организована инициативная экологическая группа, в задачу которой входило вести борьбу с браконьерством и охранять природу. В состав этой комиссии входили: Звягин Владимир Васильевич — директор СПТУ-30, Карпов Борис Федорович — учитель средней школы № 1, Кислинский Леонид Николаевич — врач-педиатр, Филимонов Александр Сергеевич — депутат райсовета, Егоров Олег Иванович — врач судмедэксперт и руководитель группы Крылов Юрий Михайлович — журналист.

Группа сразу приступила к работе. По инициативе Звягина В. В. при СПТУ-30 был организован «Голубой патруль», в задачу которого входила охрана рыбных запасов Селигера. «Голубой патруль» работал под эгидой рыбинспекции (Семакова Ивана Евдокимовича и Никанорова Николая). Руководил патрулем молодой физик училища Карпов Михаил Борисович — мой сын. Финансовое снабжение шло через училище. В мастерских училища были изготовлены приспособления для подъема браконьерских снастей со дна водоемов.

На прокатном пункте города брались шесть яликов и туристическое снаряжение. «Голубой патруль» пошел в поход. Первый же рейд ошеломил ребят. Сколько же различных приспособлений находится на дне Селигера, используемых браконьерами для ловли рыбы! После первого рейда все снасти были сданы на склады рыбозавода и рыбинспекции. Но удивительное дело, на следующие годы они опять оказывались в руках браконьеров. Здесь воровство было наяву. И «Голубой патруль» решил: все пойманное уничтожить на месте, сжигать на кострах. Это было неприятно некоторым начальникам, но ничего не поделаешь, так было надо.

Основными рейдами патруля были Осташков-Полново, Осташков-Свапуще с заходом на внутренние озера. На Свапуще ялики перегружались на машины и транспортировались до

Коковкина. Там спускались в озеро Стерж и плыли по волжским озерам до речки Селижаровка и снова возвращались в Осташков.

Работа в «Голубом патруле» детям очень нравилась. Они ждали день выхода на озеро с нетерпением. Ребята выходили на рейд два раза в каждый год: весной — в мае, когда нерестится рыба и осенью, в октябре, когда рыба становится на зимовальные ямы.

К «Голубому патрулю» впоследствии был прикомандирован мощный катер серии РО. Капитаном катера был Ботин Николай. На катере была лодка «Казанка» с мотором «Нептун».

Работа ребят в «Голубом патруле» была романтическая, но очень опасная. Спать ложились поздно вечером, вставали с рассветом солнца. Весь день работа на веслах. Они видели красоту селигерского ожерелья, изучили все повадки браконьеров, знали наперед, где надо искать сети и какая в них будет рыба. Самыми опасными местами были районы: Вселуки, Пено и Селижарово. Хотя в рейд уходили секретно, но были случаи утечки информации. Это было заметно по поведению браконьеров. Они открытым текстом угрожали «Голубому патрулю». Поэтому на ночлег приходилось удаляться подальше от населенных пунктов и ночевать в затаенных местах.

Однажды на озере Стерж произошел такой случай. Ребята против деревни подняли две сети с пломбами рыбозавода и стали их вынимать. Из крайнего дома с матом выбежал мужчина, подбежал к берегу, сел в лодку и стал подгребаться к ребятам. Подплыв к ним, он в ярости бросил в ялик ребят трагу от тракторной гусеницы. Трага пробил днище ялика, вода хлынула в лодку. Лодка стала тонуть. К счастью, вовремя подъехали ребята с соседних яликов и инцидент был ликвидирован. Из детей никто не пострадал, а могло бы быть хуже. Кто же был этот браконьер?

Оказывается, браконьером оказался сам директор Осташковского рыбозавода. После этого случая все лодки «Голубого патруля» были обеспечены радиосвязью и с «Голубым патрулем» стали ходить работники милиции.

Спустя несколько лет «Голубой патруль» был премирован вездеходом «Буран». И ребята стали выходить в походы зимой.

Однажды в Кравотынском плесе, проезжая через межток в островах, лед под «Бураном» стал прогибаться. А на санном прицепе сидели ребята. Вдруг прицеп стал проваливаться под лед. Ребята стали соскакивать с прицепа. «Буран» остановился и завис на краю полыньи. Все дети были целы, только один ушел под лед.

У Михаила Борисовича в голове мелькнула мысль: «Все! Тюрьма!». Он не раздумывая сбросил с себя шапку и шубу, нырнул в полынью. На ощупь, в темноте, на дне отыскал мальчика, поднял его наверх. Ребята подхватили его и помогли вылезти Михаилу Борисовичу.

После оказания первой помощи на удивление всем мальчик оказался жив. Ребята разделись, поделились с ним сухим бельем и, снова одевшись, быстро направились в ближайшую деревню. Там вооружившись досками и кольями, вернулись к «Бурану», вытащили сани, завели «Буран» и благополучно вернулись домой. Жалели только об одном, что котел с кашей утопили.

Патруль ночевал и зимой на снегу. Для этого подбирали подходящее место, расчищали снег до земли, раскладывали кострище, нагревали землю. Затем кострище сдвигали в сторону, землю укрывали лапником, ставили на нее армейскую палатку. Все заходили во внутрь, кроме дежурных, наглухо закрывались, раздевались и ложились спать. Только к утру было прохладно. Все такие ночевки проходили благополучно, но в памяти у детей остались на всю их жизнь.

За восемнадцать с лишним лет работы «Голубого патруля» было спасено десятки тонн

ценных пород рыбы.

Работой учащихся СПТУ-30 в «Голубом патруле» заинтересовалось центральное телевидение. Они снимали их и транслировали передачу на весь Союз. Руководителей Звягина В. В. и Карпова М. Б. вызвали в Калинин и наградили медалями «Медаль II степени за мужество перед Отечеством».

В эти же годы на Селигере работала вторая группа учащихся средней школы № 1 города Видное Московской области. Они базировались комсомольским лагерем в Орловой Луке. Ученики вели разъяснительную работу среди населения об охране природы и ее богатств. По берегам, на стоянках туристов развешивали стенды с правилами поведения. Чистили берега от мусора, косили и убирали сено в подсобном хозяйстве рыбозавода — местечке Княжое, выступали с концертами в турбазе «Сокол». Руководителем группы был учитель по труду Шаров Георгий Васильевич.

Москвичи за многие годы работы, так полюбили Селигер, что их дети и внуки спустя много лет приезжают отдыхать и живут в Орловой Луке.

А что же случилось с сосновым бором Троеручицы?

У меня в это время умерла жена. И я, чтобы сгладить свое горе, уехал жить в деревню Твердякино. В это время началось строительство автострады Осташков-Нилова Пустынь.

Ко мне приехал мой двоюродный брат Мартьянов Олег Константинович. Он работал инженером в ДСУ и строил эту дорогу.

По плану дорога должна была проходить через бор «Троеручица», а это значило, что большая часть бора будет снесена, и люди потеряют такую ценность.

Я предложил ему вести дорогу по старой ниловской дороге. Здесь бор почти не пострадает, хотя дорога будет немного длиннее. Но разветвление от нее на Зальцо, Пачково, Кравотынь даст большие преимущества. Так было и решено.

Но и здесь не обошлось без казусов. Для укладки дорожного полотна работники лесхоза «Межколхозстрой» стали расширять нейтральную полосу больше нормы и выпиленный лес сбывать направо и налево. А вдоль озера Стройное вообще стали сносить весь лесной массив (под шумок) и прихватили Пачковский бор. На защиту этого леса грудью встали члены экологической группы Крылов Ю. М. и Филимонов А. С. И отстояли этот лес, это их заслуга. Кроме этого, они отстояли от продажи земельный участок под городом, так называемая Ольшица и острова Фомин, Кличен, Хачин.

В это время в стране началась перестройка. Произошел государственный переворот. На смену социалистической системы стал внедряться капитализм. В стране наступил хаос, пьянство, воровство, бандитизм. Власть молчала. Милиция бездействовала, стояла в стороне и даже способствовала развитию бандитизма и воровства, и сама вступала в эти структуры.

Воровали все: и маленькие, и большие. Маленькие воровали по-малому: заброшенные дома, здания детских учреждений, здания сельских почт, клубов, изб-читален. Под звон стаканов люди получали 15 соток пахотной земли.

А большие люди захватывали дома, фабрики, заводы, прииски. Все, что раньше принадлежало народу, — стало принадлежать им.

Одни стали миллионерами, а другие — нищими. Страна раскололась на два лагеря: бедных и богатых.

В это время хозяином Ниловой Пустыни, с прилегающими к ней землями, стал Мосгаз. Новый хозяин стал безжалостно перестраивать интерьер зданий старинных келий, превращая их в ванные комнаты. На восточном берегу монастыря стали разбирать гранитную набережную. Городская организация «Реставрация» тоже не осталась в стороне.

Все шесть куполов Богоявленского Собора были покрыты листовой медью и были позолочены под огонь амальгамой золота. Эта позолота в старину была самая ценная и опасная для здоровья человека.

Во время нагревания амальгамы ртуть испаряется, а золото прилипает тончайшим слоем на поверхности медного листа. Слой золота настолько тонкий, что он полупрозрачный и обладает свойством отражать по-особому падающие на него лучи. Вот почему, когда солнечный свет падал на купола Богоявленского собора, то они не блестели отраженным «зайчиком», а издавали свечение «снопами», что создавало иллюзию божественности и одухотворенности. Но со временем золото износилось и купола потускнели. На повторное золочение не было средств. Реставраторы сняли с куполов листовую медь и покрыли их оцинкованным железом, а медь просто украли.

Видя такое плачевное состояние Ниловой Пустыни, экологическая группа забила тревогу. Были направлены запросы депутатам Верховного Совета Злобину, Архиповой, Кириллову с просьбой передать святыню православной церкви. Группа обратилась в московскую Патриархию, организовала выступления в центральных, областных и районных газетах. Все это принесло желаемые плоды. Мострансгаз от святыни отказался.

В Осташкове в Знаменском монастыре Воскресенской церкви был созван Собор общественности города, на котором выступили Худяков В. А., Звягин В. В., Карпов Б. Ф., Филимонов А. С. и Крестова З. М., которые в унисон говорили, что Нилову Пустынь нужно передать в Московскую Патриархию. Она должна служить народу по назначению. В заключении выступил Епископ Калининский и Кашинский Виктор. Он поблагодарил всех выступающих за теплые слова и пожелания, которые он передаст вышестоящим властям. В дальнейшем что и было сделано.

После этого экологическая группа редакции поставила вопрос о присвоении прилегающим к Ниловой Пустыни борам статуса заказника. В конце-концов и эта задача была выполнена. Большую роль в этом сыграла бывшая тогда начальником областной станции защиты леса Серафима Петровна Ивашенко, член экологической группы редакции.

В 1991 году игуменом монастыря Нилова Пустынь был назначен священник Воскресенской церкви Знаменского Монастыря Шустов Владимир Иванович (Вассиан). Первым и постоянным шефом монастыря был директор и его коллектив Калининского экскаваторного завода.

В настоящее время монастырь благоустраивается, приобретает свое прежнее величие. На Богоявленском Соборе произведена позолота двух куполов и шпиля Звонницы сусальным золотом по лаку. Позолочен шпиль над Архиерейской пристанью и над главными въездными воротами (маяк).

В 2007 году Президент РФ В. В. Путин из президентского фонда выделил на восстановление Ниловой Пустыни семь миллионов рублей, федеральный бюджет — 11 млн. руб., Тверь — 2 млн. руб.

Посмотреть на жемчужину Российского Православия приезжают тысячи туристов, чтобы поклониться мощам Нила Преподобного и получить духовное удовлетворение.

Сюда ходят три теплохода: «Алексей Родин», «Капитан Марков» и «Капитан Хоробрых». Их обслуживают команды под руководством капитанов соответственно: Бойкова Романа Дмитриевича, Михайлова Владимира Владимировича и Домникова Олега Петровича.

В заключении хочу сказать, что в России все велико, все высоко, только жизнь пакостна. За годы перестройки мы растеряли радость, веселье и русский дух. Почему же так рано стареют и умирают россияне, а все это происходит от жизненной дисгармонии. Молодежь деградирует, она отдана на откуп барам, дискотекам, ночным клубам. Лишь бы в политику не лезли. А там золотой микроб делает свое дело: он пожирает их души.

Нация вымирает, страна в опасности, но мы оптимистичны. Выкарабкаемся. Хоть на карачках, но выкарабкаемся, на то мы и есть русские.

Еще в 1945 году Сталин в Кремле поднял за нас тост: «Я пью за русский народ — народ победитель!». И это была не русомания вождя, а наша Честь, о которой мы должны помнить все.

Только не понятно одно: почему надо было рушить целую систему до основания, а затем из осколков собирать вновь и не в лучшем виде?

С 1985 г. за 20 лет по нашему миру прошло стадо быков и растоптало все, что нами было нажито за 70 лет советской власти: бесплатное образование, медицинское обслуживание, жилье и жилищно-коммунальные услуги, местный транспорт, санаторно-курортное лечение. Кроме этого, мы потеряли все детские политические организации (октябрятскую, пионерскую и комсомольскую). Это ужасно, ведь все лучшее, что было заложено в нас, мы получили в этих организациях. Это основа строительства любого государства.

Ни всем работа этих организаций нравилась, но они сделали великое дело — создали нового советского человека, который в Великой войне победил злейшего врага всего человечества — фашизм.

Но взамен получили необузданную свободу, скверную жизнь и надежду в светлое будущее. И все это произошло через наш российский менталитет. Мы научились строить империи и разрушать их, хотя эти разрухи движут наше общество вперед, поэтому мы так и живем, как есть.

Но к счастью или по иронии судьбы на озере Селигер по инициативе президента в сосновом бору Троеручица вот уже третий раз проходит форум активной молодежи страны из 100 регионов в количестве десяти тысяч человек. Это школа-обучение. На симпозиумах, конференциях и собраниях происходит обсуждение управления и хозяйствования такой страной как Россия.

19 июля 2007 года эту школу посетили два высоких гостя: первый вице-президент Иванов и второй вице-президент Медведев. После их доклада в Москве работа форума президенту Путину понравилась и он предложил, чтобы такие встречи проводить и в других регионах России. Чтобы молодежь еще глубже вникала в политическую жизнь страны и принимала в ней самое активное участие.

Участники форума взяли на себя обязательство, что в президентские выборы они выделяют для работы на избирательных участках около 100 тысяч активистов. Это говорит о том, что без политики и без участия молодежи нельзя построить большое сильное государство.

И вот парадокс. Ровно 50 лет тому назад, когда над нашим государством поднялся железный занавес, у нас в Москве состоялся всемирный фестиваль молодежи и студентов, так как Москва тогда всех не могла вместить, то часть участников разъехалась по другим городам Союза. Осташков тоже не остался в стороне и принял в этой акции активное участие.

Жители были рады и стали готовить город к приему гостей. Город наш всегда был чистым, так как все хозяйственные отходы жители зарывали на своих огородах или сжигали в печах. Тогда не было у нас ни мусорных куч, ни контейнеров. Восстановили разбомбленный в войну вокзал, заасфальтировали перрон, починили булыжную мостовую от вокзала до центра города, снесли ветхие строения и на их местах поставили новые.

По всей улице Ленина починили и покрасили заборы, побелили здания. А в ночь до прихода поезда всю улицу Ленина украсили стягами и разноцветными плакатами, которые развешивали прямо на заборах и домах.

Город преобразился. В 8 часов утра загудел гудок кожзавода. Он извещал о том, чтобы жители выходили встречать гостей. Народ скоплялся на тротуарах, отделенных от проезжей

части дороги белыми шнурами, и ожидал гостей.

Без пятнадцати девять к перрону подошел состав. Люди были взволнованы, громко говорили, кричали, размахивали букетами цветов. Играл духовой оркестр. По пути следования их было три: станционный, городской и кожзавода.

Из вагонов выходили радостные, возбужденные люди разных цветов: черных, желтых и коричневых. Все говорили на разных языках, но все понимали друг друга. Самыми понятными словами были: мир, дружба, товарищ.

Осташи хотели видеть иностранцев, а иностранцы хотели видеть простого русского человека, который им очень понравился. Многие из них обнимались и целовались, не стесняясь прямо на улице.

Их разместили на грузовые машины, так как автобусов тогда не было. В кузовах ехали стоя на малом ходу.

И кортеж автомобилей по булыжной мостовой отправился в город. По пути следования с тротуаров в автомашины летели букеты цветов и приятные возгласы: мир, дружба. В ответ тоже самое.

Больше всего народу собралось около водной пристани. Водники задействовали тогда весь водный транспорт пароходов и теплоходов, а их тогда было много.

Пристань была хотя и старенькая с деревянными постройками и зарубами, обвешанная красивыми плакатами, выглядела великолепно.

День был чудесный, хорошая погода приветствовала гостей. И Селигер своими сиренево-голубыми водами манил их к себе, плескаясь волнами о сваи зарубов причала.

Гости были размещены на пароходах и под звуки духовых оркестров отправились в путь для осмотра красот Селигера.

В догонку им лилась мелодия «Славянки».

Ехали по двум маршрутам: Осташков — вдоль восточного побережья его, через протоку между Житным и Кличеном с выходом к Никольскому монастырю, между островами и Новые Ельцы. И второй маршрут был: Осташков городской плес, Нилова Пустынь, Кравотынь, Троицкий ход и Новые Ельцы.

Здесь, против причала и перед барской усадьбой на первом ярусе был разбит палаточный городок, где размещались гости. Здесь они проводили конкурсы, встречи, спортивные соревнования, концерты, торжественные костры.

Десять дней они здесь жили кипучей жизнью. И потом через Москву разъехались по своим странам.

Если сравнить два слета: в сосновом бору Троеручица с слетом в барской усадьбе Толстых Новые Ельцы. Хотя они проходили в разное время и в разных формациях, то у них есть много общего. Цель была у них одна: за мир, за дружбу и за хорошую жизнь.

Но есть и нюансы: слет всемирной молодежи и студентов был более прозрачный и более душевный. Он не отгораживался от народа. А движение «Наши» таинственное и осташи его почти не заметили и остались от него в недоумении.

Не успел разлететься форум по городам России, как в местной газете «Селигер» появился репортаж журналиста Юрия Крылова. Репортаж он проводил по улице Магницкого в городе Осташкове. Историческое изложение данной темы мне очень понравилось и я решил сделать к нему дополнение.

В середине 19 века наш местный состоятельный житель города господин Чмутов в Петербурге закупили пароход. В виду того, что он был плоскодонный и двигался за счет

колеса, находящегося за кормой судна, он мог своим ходом пройти из Петербурга через Мариинскую систему, реку Волгу, через пороги Селижаровской речки и благополучно прийти в Осташков. Судно было уникальное не только тем, что оно двигалось за счет одного колеса, расположенного за кормой и управлялся двумя рулями, хотя большинство пароходов были двухколесными. Но он был красив сам собою. Его огромное колесо с деревянными плечами вращалось за счет двух, горизонтально работающих паровых машин немецкого производства марки «Симсон». В средней части судна размещался пассажирский салон, а котел находился в носовой части — это был самый большой паровой котел на Селигере.

Господин Чмутов так любил свой город, что дал пароходу одноименное название с озером и назвал его «Селигер».

Пароход ходил по всем маршрутам, он ходил и по мелководью, поэтому он мог свободно ходить на Селижарово через пороги и до Ржева. По Весецкому плесу до Ботово и в Хитино, до речки Полоновка в Полново, по речке Княжа до Березово, Ламы.

От пристани Чмутова начинается та улица, о которой мы и поговорим. Эта улица называлась Береговая (Восточная). Она проходила по Восточному берегу г. Осташкова. Набережный сад и пристань прерывала ее, поэтому она делилась на две части: на северную и южную. В самом начале южной Береговой, рядом с пристанью Чмутова, стоял большой одноэтажный грибовидный дом с закругленным углом, в центре которого всегда нараспашку была раскрыта большая дверь. Этот дом назывался «обжоркой».

Как мне рассказывал отец, здесь за грош можно прилично пообедать, а за полтинник серебром вся семья могла питаться целый месяц. С утра до вечера из открытых дверей и окон слышался гомон, людской смех, звучание гармошек и пение, подгулявших людей. Туда ходили и стар и млад и целыми семьями. Сильно хмелевших людей поблизости не было, так как за порядком всегда следила прислуга. Хотя до «казенки» было рукой подать — сто метров. Это современный магазин «Чайка».

В 1924 году здесь открылась столовая «Для крестьянина», а в 1936 году этот дом был передан Водной пристани. Водники этот дом демонтировали и на его месте поставили здание судоремонтных мастерских, которое и сейчас здравствует.

В начале Береговой улицы жили состоятельные граждане, о чем свидетельствуют их дома, построенные по проектам архитектора Суравкова. Двухэтажный дом с ажурной кирпичной кладкой, дома: стоматологическая поликлиника, книжный магазин и экскурсбюро, во всех этих домах жили еврейские семьи: Капич, Зальман, Зингер, Розенберг. Они владели маленькими ювелирными магазинчиками и мастерскими по ремонту часов.

Дальше к югу по береговой линии жил мастер лодочных дел по прозвищу «Каля». Так он был мастер отменный, то и берег назывался Калин-берег. Осташи заказывали лодки или у «Кали» или у Соснецких мужиков. Лодки они делали хорошие, длиною 7 метров по «матке». Кокоры изготовлялись из корней сосны, обшивали доской болотной ели с мелкоствольной древесины, которая очень плохо поддается гнили и не намокает. Эти свойства древесина болотной ели приобретала в виду ее родства с болотной клюквой, которая очень долго не гниет.

Лодки делались трех видов: хозяйственная о трех скамейках, прогулочная о трех скамейках и двух боковых лавках и рыбацкая. Постоянной составной частью ее являлся «садок», расположенный посередине лодки и герметизирован от нее. На дне «садка» имеется отверстие для циркуляции воды. Крупную пойманную рыбу сажали в «садок» и привозили на берег в живом виде. Живая рыба ценилась значительно дороже, чем уснувшая.

Затем улица проходила по Монастырской набережной. Вдоль набережной в один ряд росли кленовые насаждения, которые были особенно красивы осенью: оранжево-красные с вишневым отливом.

В центре набережной была гранитная монастырская пристань, сделанная из тесанного серого гранита и обрамлена кованными решетками. Сюда приставали ниловские пароходы.

Улица заканчивалась южным городским кладбищем. Посредине кладбища построен Крестовоздвиженский храм. Кладбище было огорожено кирпичной стеной с пятью башнями. Купала башен заканчивались перевернутой луковицей с острым шпилем, на котором находился летящий ангел. В фасадную часть стены входил ритуальный дом из красного кирпича. Слева от него находились центральные ворота, а с правой стороны рабочие ворота. Ворота центрального входа открывались очень редко, только для высоких гостей.

В 1820 году и в 1822 году они открывались для царя Александра I и Великого князя Константина Константиновича дома Романовых.

За кладбищем и слева от него через дорогу было топкое болото, где часто тонул скот, там же и я чуть не утонул. Меня спасли только две женщины и мужчина. Женщины проходили мимо кладбища и на мой зов вызвали из соседнего дома мужчину. Мужчина постелил доски, добрался до меня и спас. За болотом по сопкам Ольшицы стоял прекрасный сосновый бор, который вплотную прилегал к городу.

С правой стороны кладбища была деревня Емша и ее поля. А за озером пастбище, гладкий луг и еловые «ледины».

В 1775 году за городом был построен тюремный дворец. На охрану дворца и заставы, которая находилась около кладбища, были построены казармы. Три из них были приспособлены для жилья военных, а пять казарм барачного типа для лазарета.

На песчаной равнине Ольшица был военный плац, где проходили тактические занятия военных.

Чтобы добраться от заставы в центр города, надо было идти или по большой Знаменской или по Береговой. Транспорта тогда практически не было и ходили только по центральной части. Тротуаров тоже не было.

Большая Знаменская была выстлана булыжной мостовой, она была твердая улица и люди ее не любили и ходили по Береговой, которая была значительно короче и выходила к пристани прямо в центр города.

Основными пешеходами были военные люди. Постоянным атрибутом их снаряжения был ранец. Ранец для военного — это маленький дом, в нем все размещалось, что необходимо для жизни военного в экстремальных условиях. И он всегда был спутником военного человека. Человек с ранцем лег в основу названия улицы — это название так крепко прилипло, что улица носила это имя около двухсот лет.

По инициативе работников краеведческого музея и общественности города, в особенности старшего научного сотрудника музея Васильева Алексея Владимировича за заслуги перед православием рода Теляшиных, первого игумена Ниловой Пустыни и за развитие математической науки в России (первый печатный учебник арифметики Магницкого) в 1987 году улица Ранцевская была переименована в улицу Магницкого. И в сквере поставили ему обелиск. Об истории Ранцевской улицы я узнал от мамы в тот же день, когда меня вытащили из болота.

Меня этот вопрос интересовал, когда мне было 6 лет. Что такое Чайкин берег я знал — это было любимым местом пребывания чаек, так как там жили рыбаки, а чайка была их постоянной спутницей.

В конце Ранцевской улицы и сейчас стоят два двухэтажных дома. В них жили офицеры. По обеим сторонам центрального входа на кладбище были две ниши, они были расписаны фресками хорошими мастерами.

На мелководье, против ветлечебницы, вили из льняной пеньки веревки для рыбаков и на

«вешелах» сушили сети.

А на месте родового дома лодочника Кали сейчас построен кирпичный дом. Это домик из «Амстердама», когда проходишь мимо него, то мысли о великом Рембрандте, его Саскии, о его «Ночном дозоре», о «Возвращении блудного сына». Это как бы Нидерланды на берегу Селигера.

А теперь поговорим об экологии города.

Город Осташков большей частью был построен на болотах, болота издавали смрадный воздух, и жители города от этого страдали.

В древности осташи жили до 26 лет, затем стали доживать до 46, а теперь живут и свыше 80.

В большинстве страдали женщины, у них врожденная была болезнь чахотка, но не смотря на болезнь, они были тоненькие, высокие и очень красивые, поэтому за невестами в Осташков приезжали издалека.

Осташков — это город европейского типа, во многом напоминающий Петербург. Улицы и переулки прямоугольные. В городе было 5 садов, 3 бульвара и березовая аллея в 4 ряда на полуострове Житное. Сажать деревья в городе было не принято. Город был чистый и красивый.

В 1936 году по инициативе райисполкома в Осташков из имения Вараксиных, что около Свапуца, привезли несколько возов заостренных с одной стороны тополиных кольев и стали их втыкать в землю вдоль дренажных канав по улице Урицкого. Оставшиеся колья повтыкали на свободной площадке около Драматического театра.

Для осташей было интересно и смешно: как это колья приживут и превратятся в деревья. Но произошло чудо. Колья на хорошо удобренной городской земле зазеленели и стали буйно развиваться. Это было чудесно и радостно. Все были довольны.

Но вот наступила война и было не до кольев. А после войны о них дала знать тополиная роща, выросшая около драмтеатра. Деревья стали выкапывать и рассаживать их по Володарской улице, от милиции и заканчивая типографией. За деревьями следила милиция и отвечала за них. Часть деревьев была насажена вдоль торговых рядов.

Но здесь наступила нелегальная миграция сельского населения в город, а вместе с населением в город пришел и скот. В городе образовалось три стада, все стада утром выгоняли за город, а вечером возвращались домой.

Сажать деревья было бесполезно: утром посадишь, а вечером проходящее стадо съедало растение до самых корней, особенно были прожорливы козы. И так продолжалось до 1955 года.

После приезда Хрущева из Америки был издан указ, запрещающий содержать скот в городах и все пошло на лад.

Основная работа по посадке деревьев в Осташкове была возложена на комсомол и председателя горсовета Белякову. Первым секретарем горкома комсомола был Пухов. Посадочный материал привозили из леса и закупали в питомниках. Из питомников привозили липу, лиственницу, яблони и розы.

Яблони и розы не прижились. Их воровали по ночам двуногие козы.

Посадкой деревьев занимались все организации.

На территории железнодорожного узла и станционного шоссе сажали деревья работники узла под руководством парторга Рудого Петра Яковлевича.

Посадкой деревьев по улице Ленина и двух скверов памяти Ленина и Магницкого занимались учащиеся транспортной школы № 63. Директор школы Танаев Алексей

Иванович.

Территория водной пристани благоустраивалась водниками под руководством начальника пристани Огнева Александра Александровича.

В набережном саду сажали деревья два молодых художника из драмтеатра: Петухов Виктор и Карпов Борис. Директором драмтеатра была Арсюкова Елизавета Игнатьевна.

Против почты и до Троицкого собора деревья сажали связисты, под руководством Зубарева Бориса Михайловича.

По Рабочей улице и трем бульварам, а также на территории кожзавода посадку производили рабочие под руководством своего садовника Карпова Федора Ивановича.

Вся Преображенская площадь была распределена между учебными заведениями. Ее благоустраивали учащиеся Королького училища, директор Кульбицкий, восьмилетняя школа — директор Галахов Александр Александрович, средняя школа № 2 — директор Платонова Серафима Васильевна, средняя школа № 1 — директор Богданов Валентин Георгиевич, финансовый техникум — директор Лебедев Иван Васильевич, ветеринарный техникум — директор Козлов.

И особенно много потрудились студенты механического техникума под руководством секретаря комсомольской организации техникума Рудой Лидии Петровны. Они сажали лиственницы по переулку Советский и ели перед техникумом.

Планировкой и разбивкой цветника на площади и посадкой тополиной аллеи по берегу Ольшицы занималась директор городской теплицы Кузьмина Елизавета Августовна.

Рождением парка на месте топкого болота в микрорайоне мы обязаны Севериновой Нине Николаевне, а появлением соснового леса на Ольшинской рожине и на острове Фомино — Филимонову Александру Сергеевичу.

По остальным улицам города деревья сажались жителями домов под руководством уличкомов.

Был заложен гигантский труд и немалые средства, чтобы город превратился в цветущий сад.

Лес рос, город расцветал. Это были лучшие годы нашего поколения. Мы владели чувством радости и веселья, чувством локтя и товарищества, чувством коллективизма. Это были лучшие годы нашей жизни при социализме.

Экономика в городе была прекрасная, народ радовался: росли деревья — росли и их дети. В праздничные дни на демонстрациях родители с детьми все выходили на улицу с веточками в руках от их посаженных деревьев. Деревья развивались буйно и в ближайшие годы выросли до гигантов. Они стали опасны для жизни людей. Особенно сейчас, когда от ветра, снега и дождя огромные сучья обламываются, падают на дома, пробивают крыши, обрывают электропровода.

На просьбу жителей к мэрии снять опасные деревья, работники мэрии разводят руками и в унисон отвечают, что мол нет денег. И это все происходит на глазах молодежи. И молодежь обмозговывает это по-своему. О чем говорит такой факт.

В этом году проводился статистический опрос молодежи. Им был задан только один вопрос: кем ты хочешь быть? И не случайно на этот вопрос 90% опрошенной молодежи дало ответ: чиновником. Они имеют желание сидеть в теплом уютном кресле, в белой рубашке с галстуком, быть краснобаем с лоснящимся лицом, улыбаться, работать через пень колоду и получать хорошие деньги. Это ужасно. А кто будет обрабатывать поля, кто будет собирать урожай, кормить и поить стариков? Кто будет защищать Родину? А это же ваша работа, господа, что молодежь так воспринимает и впитывает в себя. Надо помнить, что деревья умирают стоя и вовремя их надо снимать.

А теперь поговорим о том, что мы за 20 лет приобрели, и что мы потеряли. Мы достроили ЦРБ и поликлинику, которые на 90% были построены коммунистами, восстановили женский Житенный монастырь и мужской монастырь Нилова Пустынь, реконструировали ограду в Набережном саду, и в то же время потеряли три исторических здания на Евстафьевской улице: Духовная Семинария, общежитие финтехникума и инкубаторная, дом Нагибиных на Ленинской улице (около старой почты), транспортный комплекс: каретный сарай, сенной сарай, фуражная, конюшни, спальни для извозчиков госпожи дома Купайленных.

Разрушили ДСУ, РСУ, швейную фабрику «спецзаказ», пивзавод, маслозавод, десять совхозов по району, мясокомбинат.

Продали: дом Капичей на Магницкого, два дома архитектора Суравкова по улице Орловского и в центре города на улице Володарского дом Огонечковых, в нижнем этаже которого впервые в Осташкове размещалась аптека.

Продали тайно и неизвестно кому. А там, где есть тайна, всегда существуют кривотолки. И поэтому по городу расходятся нехорошие слухи. Хорошо бы, чтобы эти слухи не превратились бы в правду.

Вот так-то мы живем, господа. Везде нужна правда.

Все эти перипетии происходили во времена правления мэра города Павлова.

В средствах массовой информации приходится иногда слышать болезненные высказывания о нашей эпохе — эпохе социализма. Да, были и у нас взлеты и падения. Они были в каждой эпохе: они были и у Ивана Грозного, они были и у Сталина, они были и у Брежнего, они будут и у нас.

Но эпоха социализма была прекрасная пора для нашего государства. Мы были серенькими и одинаковыми, с заплатками на локтях и горбушкой хлеба на двоих, с ободранными коленками. Но мы были радостными и веселыми. Национальный вопрос нас не волновал, т. к. он хорошо был разработан в трудах Сталина, соответствовал законам и выполнялся народами.

Мы были счастливы и любили друг друга. Разбили врага, восстановили народное хозяйство, фабрики и заводы работали на всю мощь в три смены. Мы не знали такого понятия, как безработица, везде требовались рабочие руки.

Мы помним стройки века. Страна преобразовывалась и расцветала. Наступил момент перепроизводства товаров народного потребления, и продуктов сельского хозяйства столько получали, что их некуда было девать, приходилось их сжигать на кострах и в топках и закапывать в землю, как бы прискорбно это ни было, так как слаба была перерабатывающая промышленность.

Как бы необходим был в тот момент средний и частный бизнес, но его не было и в этом наша ошибка. Страна превратилась в сверхдержаву. Она стала оказывать помощь всем отстающим народам мира: Вьетнаму, Северной Корее, Никарагуа, Конго, Чили и Кубе. Нас побаивались и уважали. На нашу беду состарилось правительство, началась перестройка. Перестройка наломала столько дров, что и сейчас нам приходится расхлебывать. Мы восстанавливаем утраченное с соответствующей модернизацией. Страна набирает темпы и становится сверхдержавой. Теперь опять с нами стали считаться и обращаться к нам на Вы. Страна набирает мощь, мы строим новое государство. Какое оно будет иметь название, покажет время. Но лозунг эпохи социализма «Все для народа!» желательно оставить. Наш народ его заслужил.

Мы живем в эпоху Путина и называться она будет «золотой век».

Наш ампир. Сто пятьдесят лет

Осташковской средней школе № 1.

Здравствуй, юбиляр!

Низкий тебе поклон!

Сто пятьдесят лет тому назад на Вальском городском холме, на пустыре, в 1857 году по проекту архитектора Демидова из красного кирпича были построены два здания: учебный корпус и помещение для прислуги. Здания очень красивые, с итальянскими окнами, обрамленными белыми наличниками. Верхняя часть зданий заканчивалась карнизом из кирпичного ожерелья. Посредине учебного корпуса был расположен центральный портал из кованого железа и чугунного литья.

В подвалах учебного корпуса и по сей день стоят батареи амосовских печей, от которых отходит сложная система тепловых ходов, пронизывающих стены. Такими системами снабжены все храмы города и дом Лутковских (нынешняя мэрия). 150 лет эта система ни разу не ремонтировалась, надежно обогревая здание в любую непогоду.

Школьная территория была спланирована под липовый прогулочный парк, по английской системе второго яруса, и огорожена оградой из кованого металла.

В первые годы после освещения в корпусе размещалось девичье училище, которое впоследствии преобразовалось в женскую гимназию.

В советское время в этих стенах находились детский сад, государственные учреждения, затем образцовая средняя школа и ее преемник — средняя школа № 1.

С трех лет я ходил сюда в детский сад. В гимназии училась моя мама, а в образцовой школе — мои четыре брата: Володя, Сережа, Коля и Юра. Здесь учился и я. Сюда нас приводили несмысленными, а через 10 лет выпускали образованными людьми.

В этом была заслуга педагогических коллективов, которые работали здесь.

Лучшими директорами школы были Иван Дмитриевич Бабурин и его преемник Валентин Георгиевич Богданов. Они имели не только внешнее сходство, но и общую духовность и стиль в работе, поэтому при их руководстве школа была ведущая во всем районе. Ее ученики всегда открывали своим шествием парад на праздничных демонстрациях. В любых соревнованиях занимали первые места, что было очень похвально. И поэтому жители города и района стремились отдать своих детей учиться именно в эту школу. Это было очень престижно.

Слава о школе дошла до наших столиц. Особенно любили ее абитуриентов вузы Ленинграда и с удовольствием их там принимали.

Дорогой юбиляр! Моя родная школа! Через твои стены прошли тысячи людей, которые остались тебе благодарны, ведь они получили в твоих стенах путевку в жизнь. В год твоего юбилея хочется отметить отдельных учителей, у которых я учился. Первой моей учительницей была Иванова Ольга Яковлевна. Она мне ставила оценки «очень хорошо». Я любил рисовать в тетрадях церкви Никольского монастыря и погоста Березовец. И хотел, чтобы она меня оценила, но она мне написала: «Не рисуй церквей!», что меня очень обидело.

Елена Юрьевна Нолле — маленькая, хрупкая, всегда веселая (из дворянской семьи). Отлично знала как русскую, так и советскую литературу. Любила Горького и Маяковского. Всегда меня вызывала к доске читать пролетарского поэта, так как в классе его читать, как следует, никто не мог, а я имел связь с театром и читал его хорошо.

Александра Николаевна Некрасова была истинным математиком. Вела уроки неторопливым, спокойным голосом, но была строга. Однако пользовалась уважением учащихся.

Наталья Ивановна Пухтина — учительница географии. Она была и моим классным руководителем. Любила, когда я выступал у нее на политинформациях. Германия тогда вела

войну с Англией и пускала на Лондон через Ла-Манш ракеты «фау-2». А мне было интересно это знать. Эта же ракета после войны попала и к нам в Осташков, с целью ее модернизации. Ее усовершенствовали в 60-х годах на острове Городомля.

Яков Матвеевич Пикалев — учитель рисования и черчения. Только благодаря ему я стал художником.

Николай Васильевич Клюканов — учитель по химии. Он недолго любил меня и при всяком удобном случае старался поймать в незнании материала, но я был всегда готов к ответу. Химию он знал великолепно, но мне не нравился его консерватизм. Ведь химия наука молодая, очень сложная и быстро развивающаяся. Но за придирчивость я остался благодарен ему. Это помогло мне легко поступить в Тверской университет на химфак, после окончания которого я работал учителем химии в данной школе.

А помнишь ли ты, мой дорогой юбиляр, моя школа, как в 80-е годы XX века в твоих стенах прозвучали мелодии вокально-инструментального ансамбля, созданного руками твоих воспитанников?

Миша Петров принес микрофон, Володя Маурин намотал на острове Городомля катушки звукозаписывающих устройств и сделал корпус-доску для ритм-гитары. Вместо бас-гитары мы приспособили бас-балалайку.

Школа купила германскую соло-гитару. Пошли в ход и пионерские барабаны. Валя Павлов собрал усилитель и звуковые колонки.

На соло-гитаре играли Миша Александров и Тофик Калантаров. На ритм-гитаре — Павел Антонович и все тот же Тофик Калантаров. На бас-балалайке — Соколов и Капустин. Барабанщиком был Володя Рыбаков. На аккордеоне мелодии вел Владимир Травкин.

Это был первый ансамбль в городе и районе. На протяжении восьми лет на всех смотрах художественной самодеятельности ансамбль занимал первые места, хотя у него впоследствии были серьезные конкуренты, например, ансамбль предприятия «Звезда».

Ансамблем руководил человек без музыкального образования — это, дорогая школа, твой покорный слуга.

Желающих участвовать в ансамбле было хоть пруд пруди. Каждый, кто хотел, пробовал свой голос перед микрофоном. Репетиции шли каждый день с 19 до 23 часов.

А по субботам в школе проводились тематические вечера, обязательно с участием ансамбля, в задачу которого входило обслуживание танцев. Народу было столько, что во время танцев раскачивался пол второго этажа и от вибрации сами открывались двери кабинетов первого. Это было большой головной болью для директора школы. Он боялся, что обрушится потолок.

Но мастера, которые тебя строили, славная наша школа, так хорошо смонтировали балки потолков, что этого не произошло и твои потолки живы до настоящего времени без ремонтов.

Твоим постоянным шефом был кожзавод. В дни столетнего юбилея он тебе подарил музыкальные инструменты духового и струнного оркестров. Под звуки медных труб твои воспитанники демонстрировали свои достижения.

Сейчас тебе, дорогая школа, 150, но ты выглядишь также прекрасно. В этом опять заслуга шефа.

На закупаемом общественном транспорте, твои воспитанники совершали экскурсии по городам нашей страны. В лихие годы войны в твоих стенах размещался эвакуационный госпиталь. В доме для прислуги была кухня и жил медперсонал. Подполковник медслужбы хирург Савватий Андреевич Кузьмин и его жена медсестра Елизавета Августовна. Майор

интендантской службы Виктор Яковлевич Мазин, который обеспечивал все госпиталя города продовольствием и его жена медсестра Валентина Николаевна. Под руководством Константина Пыпкина, местного рыбака, была создана рыболовецкая бригада, которая ловила для госпиталей крупных (до 8 кг) судаков. В госпитале раненым бойцам спасали жизнь и восстанавливали их здоровье. Они с любовью тебя вспоминали, наш «красный дом».

В сорок девятом здесь выступал трагикомический киноартист Мартинсон.

А в семидесятом году читал свои стихи начинающий поэт Андрей Дементьев.

А помнишь, Катя, как на уроке ты стояла за последней партой стройная тоненькая красивая девочка, и стесняясь своего чистенького, старенького поношенного платица, с дрожью в голосе читала стихотворение о маме, а по твоим щекам текли слез. И сорок пар детских глаз с упоением смотрели на тебя и многие из них плакали. А учительница русского языка и литературы Лидия Александровна Красильникова, видя эту картину, стоя, не стесняясь, тоже плакала. Так это же было, Катя, и было в стенах этого дома.

Были здесь и мальчики с длинными волосами («стиляги») и девочки в коротеньких юбочках, были твисты, рок-н-ролл и брюки в дудочку. Все это было.

А каким замечательным учителем была Карпова Лидия Петровна (историк) Она была единственным учителем в школе, которая всех учеников называла на Вы. А как мы ей аплодировали, когда она выступала в пьесе «Станция Маяковская, третий пролет справа» (Из воспоминаний Сергея Налимова на похоронах. Хотя он сам был посредственным учеником).

Дорогой юбиляр! В твоих стенах выросли, воспитались и выучились мои дети — Миша, Оля и Люда. Здесь работали мои жены — Лидия Петровна и Екатерина Вениаминовна. Отсюда ушел я на заслуженный отдых и в определенные дни посещаю тебя.

Я от Души поздравляю тебя со 150-летием! Низкий тебе поклон!

Сердечно благодарю моего спонсора Смолкина Юрия Николаевича и моих девочек Потапову Тамару Николаевну, Захарову Ольгу Юрьевну и мою жену Карпову Екатерину Вениаминовну.

6.07.07 г.

г. Осташков.